

Рецензия на повесть Д. Бигга “Жрица и пастух”

(Dick Bigg *"Priestess and herdsman"*, publisher *"Cornua & Ungulas"*, 2014)

Имя писателя из Объединенного Королевства Дика Бигга настолько популярно среди любителей жанров фэнтези, авантюрного романа и альтернативной истории, что представлять его давно уже нет никакой необходимости – каждая его книга за считанные дни превращается в бестселлер. Повесть, о которой пойдет речь, разделяет судьбу наиболее успешных произведений автора, но в остальном у нее с ними больше различий, чем сходства. Несмотря на классическую схему, по которой построен ее сюжет, а также типично бигговскую динамичность развития главной интриги, уже к середине повести внимательный читатель ловит себя на ощущении, что привычные шаблонные приемы – не более чем обертка для истинной фабулы произведения, тайну которой автор не спешит раскрывать до последней страницы. Впрочем, на слове "Конец" книга не заканчивается – читателю предлагается обстоятельное "Послесловие", которое включает в себе немало интересного. Однако, прежде чем открыть его, расскажем о самом сюжете.

Как и предписано канонами жанра, сюжет достаточно тривиален: в юного и привлекательного пастуха влюбляется молодая жрица из соседствующего с его деревней храма. В полном согласии с классическими законами подобной литературы, их роман разворачивается как борьба прекрасных душевных качеств главных героев с элементами социальной среды феодального мира. Развязка также легко предсказуема: успешно преодолев все преграды, молодые соединяются, жрица посвящает юношу в таинства любви, а заодно открывает ему некоторые эзотерические секреты, которые дают сюжету неожиданный поворот, превращая банальную амурную историю в социально-философскую головоломку. Ключ к ее пониманию мы находим в послесловии, в котором автор, совершая довольно глубокие экскурсы в такие сферы, как философия, социальная психология и даже генетика, рассказывает нам о главном различии между вселенной своих героев и нашей реальностью. Как следует из его объяснений, это различие заключается в мутации, которая много тысяч лет назад породила механизм, ограничивающий интеллектуальное развитие людей на уровне 9-12-летних детей, останавливая его тогда, когда конкретно-описательный тип мышления и механическая память уже успели созреть, но способность к абстрагированию еще только начинает формироваться. Если среди читателей книги найдутся лингвисты, они обязательно отметят ту тщательность, с какой автор проработал обедненную речь вилланов, полностью лишенную отвлеченных понятий, построенную на концептах биологического характера, семантика которой ограничена основными физиологическими ощущениями, дихотомией страх/радость, испуг/влечение и т.д. Однако изюминкой произведения является отнюдь не этот прием, который не единожды был использован в художественной литературе. Не зря автор подчеркивает в своем послесловии, что при всем кажущемся сходстве с хрестоматийной *debilitas*, интеллектуальная ограниченность его героев – не патология, а естественное состояние, поскольку в созданном его воображением мире подобный уровень умственных возможностей представляет собой достаточную норму для безбедной жизни (подробнее об этом см. ниже). Заслуженную похвалу произведению составляет даже не тот факт, что автору удалось нарисовать убедительную картину существования полноценного государства, составленного из таких "взрослых

детей". Интрига заключается в том, что далеко не всегда и не у всех их мыслительный функционал находится в таком угнетенном состоянии.

Здесь нам придется воспользоваться компилированными цитатами из авторского послесловия, не ограничиваясь пересказом его идей: *"В мире повести подавленная мыслительная деятельность персонажей активизируется лишь определенного рода гормоном, который выделяется в экстатическом состоянии сложного характера. Один из санкционированных в обществе мира повести способов вызвать его – религиозное переживание любого рода: молитвы, покаяния, чтение священных текстов, контакт со святынями и т.п. Это является результатом определенного рода генетической мутации, которая присутствует в генофонде, хотя и не распространилась на всю популяцию. Без нее легко обходится простой люд: крестьянин, ремесленник, торговец, воин и даже знахарь – представители тех социальных слоев, интеллектуальные требования к которым не выходят за достаточный минимум, предоставленный ему от рождения природой. Однако те немногие носители мутантного гена, которые в ходе религиозного экстаза "приобщаются к откровениям источника мудрости", получают выброс в кровь "гормона-релизера интеллекта", способного ненадолго стимулировать их мыслительные способности – функционал которых, тем не менее, жестко ограничен содержательной частью данного экстатического переживания и заключен в пределы его понятийного пространства, т.е. – жестко предопределен в своих результатах."*

Далее автор подчеркивает тот факт, что мутантная аллель не доминантна, и процент носителей данного гена в популяции поддерживается тем сложным фенотипическим эффектом, которым он производит в конкретной социально-культурной среде религиозного общества. Здесь налицо отчетливая симбиотическая связь между геном и возникшим на его фенотипическом материале мемом – популяция получает выгоду от эксплуатации мутантного гена, расплачиваясь за это жесткой подчиненностью парадигме религиозной доктрины, в которой он способен проявить свой функционал. Безусловно, гормональный всплеск может быть вызван значительным экстатическим переживанием любого характера и произвольного содержания, но в закрытом феодальном социуме конкурирующие доктрины стремятся вытеснить друг друга, что гарантирует безальтернативный монотеизм. О судьбе же потенциально возможных агностиков и атеистов не стоит даже упоминать – в мире повести у них нет никаких шансов.

Впрочем, сами обладатели "эзотерически-интеллектуальной мутации" ненамного богаче остальных – каждый всплеск их когнитивных способностей очень кратковременный и значительно ограничен в своей содержательной части, поскольку протекает в концептуальном пространстве религиозного переживания. При этом какие-либо *девиантные* (выходящие за догму) идеи, которые возникают в ходе любой мыслительной деятельности, тщательно вымарываются как ересь, отвергаясь не только товарищами по культу, но и самими их авторами. Подобно любому явлению, имеющему биохимическую природу, за каждой фазой возбуждения следует спад, когда субъекту возвращается его *status quo*, когда он способен лишь вспомнить полученное "божественное откровение" – содержание которого в ходе последующей фиксации на свитках "мудрости" неизбежно упрощается, подвергаясь семантической кастрации в рамках тотально царящей в обществе культурно-гносеологической парадигмы. Кроме того, ввиду ненормальности того наркотического возбуждения, которое на организм оказывает "интеллектуальный гормон", неизбежное привыкание приводит к ослаблению эффекта "просветления", когда каждый новый "приход" слабее предыдущего. Это, в свою очередь, имеет положительную сторону, поскольку гарантирует ротацию жрецов, не позволяя занимать ведущие роли одним и тем же лицам. Практические результаты, которые дает подобного рода эзотерический опыт,

оправдывают любые издержки, поскольку вознаграждают: общество – новыми полезными знаниями (см. ниже), жреца – почестями, властью и возможностью передать свой генотип потомкам (здесь помогают жрицы культа, прилагающие старания, чтобы рецессивная аллель имела шансы удерживаться в популяции). Полагая, что приведенный набросок достаточно убедителен и целостен, автор далее не углубляется в тонкости этого механизма, переходя к рассмотрению результатов его функционирования.

Здесь уже становится понятным, что вся повесть задумывалась автором как социально-философский эксперимент, основная цель которого раскрывается в конце послесловия. Автор достаточно последовательно демонстрирует нам то, как естественный ход событий в смоделированной им вселенной приводит к образованию довольно прочной и целостной социальной структуры, представляющей собой средневековое государство, в котором присутствуют все необходимые институты, свойственные феодальному типу общества. Читатель убеждается, что популяция с такой генетической аномалией вполне конкурентоспособна, самодостаточна и – несмотря на свои ограничения – обладает собственным набором этических регуляторов, представляющим собой достаточно стройную систему, принимаемую всеми членами общества без напряжения и насилия. Вопрос, которым задается автор, звучит так: насколько адекватными будут те когнитивные конструкции, которые сформируются у его членов в качестве референсных моделей самих себя и окружающего мира (учитывая содержательную часть самого концепта "адекватности", принятого в данной культурной среде). Мы видим, что ядром социальной структуры выступает могущественная каста жрецов, сплоченность и авторитет которой столь же не подлежат сомнению, сколь заслужены и подтверждены практикой. Мировоззрение представлено религиозной догмой, исключаящей какую-либо возможность критического ее осмысления, поскольку ее носители и проповедники воплощают в своих лицах одновременно: а) единственно обладающих властью фактических правителей государства; б) всю его интеллектуальную элиту, безальтернативно контролирующую объем знаний (но не метазнания, так как выйти за рамки парадигмы невозможно никому); в) духовных пастырей доверчивого и счастливого в своей ограниченности социума (и в этом месте уже не один только Платон отчаянно завидует авторской концепции).

Автор особенно подчеркивает тот факт, что все атрибуты элитной прослойки общества – подлинно заслуженные, а не представляют собой результат наследования статуса, обретенного интригами или отобранного тем или иным преступным путем. В сущности, здесь представлен тот самый случай, когда верхи и низы находятся в идеальной гармонии – социальная и имущественная стратификация полностью соответствует как потребностям членов социума, так и их возможностям. За исключением мелких бытовых и межличностных коллизий это общество полностью счастливых людей. Сама природа мутации работает на то, чтобы каста жрецов состояла из подлинных верующих и способных людей, чье праведное поведение и искренняя преданность Всевышнему периодически приносит "плоды просвещения", обогащая вилланов некоторыми технологиями и обновляя ритуалы, не позволяя застаиваться культуре. Естественно, эти плоды проходят довольно жесткую селекцию – подлинная наука в таком государстве зародиться не способна, потому что любая попытка хладнокровного рассуждения тут же карается самой природой организации их нервной системы, самым принципом гормональной регуляции их жизнедеятельности. Однако определенного рода навыки и умения, включающие ремесленные улучшения, базовые приемы товарно-денежных отношений и прочие изобретения, оптимизирующие нехитрый феодальный быт, жрецы способны предоставить в распоряжение опекаемых ими ремесленников и крестьян.

Нельзя полагать, что мир этих людей является теплицей, зависящей от благоприятных условий окружающей обстановки – наличие *интеллектуальной элиты* позволяет без труда решать насущные задачи быта, а также делает его достаточно серьезной угрозой для соседей. По ходу развертывания повествования автор показывает нам, как расширенный фенотип, творимый геном "эзотерического прозрения", распространяется на значительные пространства – поскольку успешность воинственного мессианства подобного вида гарантирована эффективностью социальной модели: бесстрашием рядовых адептов, значительным интеллектуальным превосходством духовной элиты и их бескорыстным служением высшим идеям (любые попытки коррумпированного поведения пресекаются автоматически, поскольку эгоистическая интенция исключает самоотречение, не давая субъекту шансов на экстаз и лишая его возможности планирования сложных манипуляций).

Может показаться, что повышение общего интеллектуального фона культурной среды (что неизбежно при любом изобретении даже ремесленного уровня) обязательно влечет за собой повышение уровня оперируемых ментальных объектов у простого люда, не скованного рамками истовой веры – т.е. может вызывать постепенное поднятие их интеллектуального уровня. Однако, как справедливо подчеркивает автор, механически используемые ежедневные приемы вполне осуществимы без сложной когнитивной деятельности – для этого всего лишь нужно периодически менять одни рефлексy на другие (хорошо знакомый нам всем феномен *обучения без понимания*). Например, вместо того, чтобы тупо нагибаться перед каждым пучком зелени, виллан может теперь удерживать рукоятку примитивного плуга, который волокут животные. Естественно, о причинах того, почему конструкция плуга именно такая, а не другая, вилланы не имеют никакого представления, используя его чисто механически (*"так нас научили храмовники"*). Но зато теперь та часть социума, которая задействована в агропромышленном секторе, способна давать больше продуктов. Это позволяет накапливать избытки средств, выделять больше рекрутеров для армии (главнокомандующий которой, естественно, тоже жрец), обеспечивать функционеров культа излишками, а прочую часть общества – необходимым для них минимумом. Освободившееся в результате рационализации его труда свободное время плебс потратит на банальные развлечения, репродуктивные игры и уход за потомством – поскольку свободное творчество, праздное исследование (служащее зачатками любого независимого знания) и прочие формы когнитивной деятельности не помещаются в сферу их интересов. Общество представляет собой не перегруженное трудом сытое стадо, продолжая при этом являться в сущности своей социально-биологической организацией – людьми, *homo sapiens*.

По мере развития повествования мы наблюдаем за тем, как генетическая мутация и мем *единственно верной доктрины* распространяются на весь мир, поскольку религиозная догма, закрепленная практическими плодами, не может не быть успешной в своей беспощадной экспансии. Ставши доминирующей, эта цивилизация останавливается в своем развитии – практически навечно, поскольку структура ее кристаллизуется в нерушимую форму с четко заданными элементами и слоями общества. Ни одна часть социума не способна выступить инициатором изменения положения вещей, поскольку не желает этого и не нуждается в этом – само пространство альтернативных моделей недоступно в данной популяции никому. В этой цивилизации статуса все члены общества составляют жизнеспособную структуру, остановившуюся в развитии (хотя для них самих ситуация воспринимается совершенно иначе, поскольку ритуалы регулярно обновляются, а инструменты незначительно улучшаются). Никто из низших классов не пытается посягнуть на авторитет жрецов, так как их деятельность удовлетворяет народ своими результатами, а их персональная жизнь не вызывает у вилланов зависти (имеющиеся привилегии справедливо признаются заслуженными). В обществе выработаны очень четкие, простые и незыблемые этические нормы, которые способны превосходно

работать на протяжении сотен и даже тысяч поколений (в сущности, стабильности и нерушимости такой системы способны угрожать лишь природные факторы неодолимой силы – катаклизмы гигантских масштабов, естественное истощение самого биологического вида или же вторжение совершенно иных разумных существ, значительно превосходящих в интеллектуальном, экономическом и военном отношении). Их нравственные установки столь же естественны, сколь и правильны – в их феодальном контексте. И на это никак не влияет тот факт, что источником этих установок, равно как и фактором, структурирующим данный социум, является возникшая случайным образом форма регуляции электрохимических реакций, позволяющая осуществляться им лишь в строго ограниченных условиях и жестко регламентирующая спектр возможных их проявлений.

На этом этапе развития событий заканчивается как сама повесть, так и авторские пояснения к ней. Позволим себе дополнить их некоторыми предположениями, возникшими в ходе прочтения книги. В начале своего послесловия автор намекает на то, что повесть была задумана им как художественный аргумент в полемике с Францем Brentano – известным психологом и философом прошлого века, который в своей работе "О происхождении нравственного сознания" утверждал, что источник этических регуляторов поведения каждого человека заключается в интуитивных ощущениях правильности и истинности мотивов своей деятельности. Судя по всему, автор полагает, что после прочтения повести оценить верность этого тезиса читатель способен самостоятельно, поэтому от каких-либо дополнительных комментариев воздерживается.

Дик Бигг не зря вынес свои рассуждения в послесловие, освободив произведение от утомительных философских сентенций и предоставив нам классический авантюрный сюжет на средневековую тематику, полный романтики и волнующих событий, насыщенный подвигами и интригами, и проведя через него ряд интересных и глубоко проработанных персонажей, чьи характеры не могут не вызывать эмоциональный отклик и сопереживание у самого взыскательного любителя подобной литературы. Можно не сомневаться, что "Жрица и пастух" понравится как тем, кто в конце продуктивного трудового дня любит расслабиться с книжкой, воспевающей простые и естественные человеческие радости, так и тем, кто любит открывать для себя новые идеи, получая удовольствие от периодических размышлений.

© Валентин Лохоня 2017.01.05

<https://nonnihil.net>